

УДК 93/94; 327

DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-6-25

Наталия Нарочницкая

Ништадтский мир и геополитическая трансформация Европы. К спорам об имперской традиции России

Аннотация. 300-летие Ништадтского мира, положившего масштабной геополитической трансформации Европы, побуждает панорамно проследить ревнивое отношение европейских держав к расширению и укреплению России. Становление Российской империи было императивом времени и ответом на геополитические и цивилизационные вызовы. В западном культурно-историческом сознании нигилистический взгляд на русскую историю московского периода постепенно переносится на Россию имперскую, затем Россию коммунистическую и Россию современную, принимая форму некоей фобии. Образ враждебной, чуждой всякой цивилизации, имманентно агрессивной и опасной стихии заимствован из ряда исторических трудов и массово тиражируется в СМИ, несмотря на уважительное отношение к истории России части научного и интеллектуального сообщества Европы. Этот образ вобрал в себя в XXI веке негативные стереотипы в отношении Православия и России самых разных эпох, от великой схизмы и наследия «монгольского рабства» до коммунистического эксперимента и нового ценностного раскола постмодерна.

Ключевые слова: Петр Великий, формирование Российской империи, геополитическая роль России, Россия и Европа, Россия и Запад, образ России, антироссийские стереотипы.

Указом Президента России 2022 г. объявлен годом «празднования 350-летия со дня рождения Петра I». Жанр указов традиционно лаконичен, и в тексте говорится лишь о большой роли реформ Петра I в истории России. Однако не только впечатляющий рывок в модернизации почти всех сторон жизни России стал итогом более чем 40-летнего царствования Петра — бурного, наполненного ранее невиданными на Руси событиями. Не менее впечатляющим образом изменилось к концу его правления международное положение Российского государства. Петр I, именуемый Великим, повлиял на русскую историю столь значительно, что интерес к его деятельности вряд ли когда-нибудь угаснет, как бы ни оценивались его реформы.

До Петра — это еще Московия, хотя и уже накопившая и явившая огромный потенциал и к расширению, и к активному взаимодействию с Европой и другими мирами.

Сведения об авторе: Нарочницкая Наталия Алексеевна — президент Фонда исторической перспективы, иностранный член Сербской академии наук и искусств, член Общественной палаты РФ, доктор исторических наук, nn@stoletie.ru.

После Петра — это империя, это Великая Россия. Грандиозный, без преувеличения, сдвиг в стратегических геополитических параметрах России привел к очевидно новому и необратимому соотношению сил и изменил геополитическую конфигурацию всей Европы. Начиналась новая эпоха. Рубежом для России и важнейшей вехой в становлении ее новой роли стала победа России над Швецией, закрепленная в Ништадтском мирном договоре 1721 г.

Ништадтский мирный договор — это одна из крупнейших дипломатических побед России и один из самых важных и значимых территориальных договоров, которые когда-либо Россия подписывала. Ништадтский мир — это поворотный пункт в истории России, в формировании ее политико-географического положения, позволившего безопасное устойчивое развитие в течение двух веков. Образно говоря, Ништадтский мир — это фактически и есть день рождения Российской империи, закрепленный *де юре* 2 ноября по новому стилю (22 октября по старому стилю) 1721 г., когда российский Сенат, превосходно осознававший значение этого рубежа, провозгласил Россию империей, а Петр I принял титул Отца Отечества, Императора Всероссийского.

Этим событиям и петровской эпохе в целом в 2021 г. была посвящена масштабная международная конференция, организованная совместно Российским историческим обществом, МГИМО МИД РФ, Институтом Всеобщей истории РАН и Фондом исторической перспективы. Тематика выступлений охватывала как собственно Ништадтский мир, его значение и восприятие этого события в европейской историографии, так и различные аспекты государственной жизни петровской эпохи: дипломатию и преобразования в армии, деятельность сподвижников Петра I.

Специально к 300-летию Ништадтского мира был подготовлен ряд заслуживающих внимания книг, выход которых приурочен к конференции.

Представленная на пленарном заседании конференции первая в нашей стране оригинальная публикация Ништадтского трактата [Ништадтский мирный договор...] является совместным проектом Министерства иностранных дел РФ и Фонда исторической перспективы. Прекрасная по своему полиграфическому исполнению и богато иллюстрированная, эта книга содержит факсимильное воспроизведение документов, хранящихся в Архиве внешней политики России, — фотокопии пергаментных листов, на которых содержится рукописный текст, а также все элементы его оформления: скрепляющие печати, обложки и прочие детали. Оформительские элементы сами по себе являются художественной ценностью, как и памятная медаль, специально отчеканенная к этому событию. Современный печатный текст Договора приводится в книге по Сборнику законов Российской империи. Завершают ее археографические комментарии к тексту, написанному на устаревшем русском языке. Книга также содержит обзор и анализ геополитического положения России до и после победы над Швецией в Северной войне, а также статьи о Петре I как дипломате и о перипетиях российско-шведских отношений в XVIII в. [См. Нарочницкая «Вечный...»; Санин; Ногаев].

В новой книге профессора В.В. Дегоева «Северная война 1700–1721 гг. и русская дипломатия» проанализированы перипетии европейской международной политики, дипломатические переговоры и договоры, внешнеполитические взгляды видных исторических персонажей. Автор рассмотрел стереотипы взаимовосприятия и «образы чужого» в контексте проблемы «Россия — Запад», устоявшиеся историографические оценки. Особое внимание уделено роли личностного и психологического фактора в дипломатии, являющегося главным предметом изучения в академической субдисциплине, которую сегодня принято именовать антропологией международных отношений [Дегоев].

Книга военного историка А.В. Шишова раскрывает страницы военных аспектов русско-шведской войны и представляет немало интереснейших деталей завершающего этапа этой длительной эпопеи, в которой приняли участие и проявили себя яркие новые военачальники и «птенцы гнезда Петрова» [Шишов].

С заключением Ништадтского мира Россия постепенно превращается в геополитическую силу, игнорировать интересы которой при решении крупных проблем европейской политики было уже невозможно. Сразу после этой вехи участие России в сложном клубке европейских интересов воспринималось лояльно, ибо помогало в сложных дипломатических партиях. Но когда через столетие после утверждения на Балтийском и Северном морях Россия вышла также и к Причерноморью, новая геополитическая реальность уже воспринималась с тревогой. Ведущие державы, Франция и Англия, открыто стремились Россию всячески сдерживать и оттеснять от рубежей, сделавших ее великой державой.

Наполеоновское нашествие на Россию по характеру цели — связанной не с обретением территорий или экономическими выгодами, но с устранением препятствия для безраздельного господства, — уже имело всеевропейский характер. По масштабу геополитических амбиций «тяготеющего над царствами кумира» и по втянутым в наполеоновское нашествие на Россию участникам это была уже почти мировая война. В ходе нашествия «двунадесяти языков» французы составляли лишь половину Великой армии, в которой была вся покоренная Европа: голландцы и валлоны из «Gallia Belgica»¹, которую Наполеон включил во владения Франции, немцы из германских государств Рейнского союза (среди них баварцы и саксонцы, вюртембергцы, вестфальцы и баденцы), немцы из Пруссии, хорваты, австрийский корпус под командованием Шварценберга, куда вошли румыны и мадьяры, итальянцы, принудительно мобилизованные испанцы и португальцы и, конечно, 100 тыс. поляков, всегда готовых присоединиться к делу нанесения вреда России.

---

1 Бельгийцы хранят память о кампании Наполеона в России, считая, что она коснулась многих бельгийских семей, ибо около 30 тыс. солдат были среди Великой армии, а двое из их потомков даже совершили пеший путь до Смоленска через Литву в честь 200-летия войны 1812 г. russkiymir.ru/news/8247/

В первой четверти XIX в. обнажается противодействие России со стороны Англии, ставшей важнейшим и непримиримым геополитическим соперником Российского государства, причем во всех его исторических формах. Английская политика в Закавказье, в отношении Персии (которую в договорах с Англией Лондон обязывал продолжать войну с Россией); хрестоматийная провокация сотрудника английского посольства в Константинополе Д. Уркварта, пославшего шхуну к берегам «Черкессии» с оружием для кавказцев против России; Крымская война; высадка британского десанта в Петропавловске-Камчатском во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., — вот лишь общеизвестные этапы этой геополитической линии Британии, ревниво оберегавшей свое влияние на морях.

В этот период уже заметно отношение к Российской империи как к опасной и склонной к безудержной экспансии на Запад чуждой силе, и в Европе начинают циркулировать «злостные легенды о русской внешней политике. Особенный успех имело утверждение, что наше государство было ненасытным захватчиком и европейским жандармом», — пишет крупный правовед, историк русского зарубежья Е.В. Спекторский, в конце жизни — первый председатель Русской академической группы в США [Спекторский]. Поначалу этому мифу служило подложное завещание Петра Великого, слух о котором пустил Наполеон, отправляясь захватывать и цивилизовать Россию.

Возжелав возглавить Европу, Наполеон безуспешно пытался подорвать мощь своего главного соперника — Британии, втягивая в «континентальную блокаду» Россию. Столь же безуспешно он предлагал в Тильзите Александру I убрать с карты Европы Пруссию. Наполеон первым осознал, что невозможно стать правителем мира, не устранив с мировой арены Россию как великую державу. Россия мешала уже тогда, как будет мешать в XX и XXI в. любому, кто стремится управлять миром. Но не пожалевшая жизнью за Отечество Россия уже тогда оказалась силой, равной совокупной Европе, и русской кровью искупила «Европы вольность, честь и мир».

К концу XIX в. представление о России как источнике опасности для амбициозных западноевропейских держав утверждается, а в XX в. уже превращается в некий исторический стереотип, который тиражируется в публицистике и в СМИ. Причем опирается такое клише уже не только на уничижительное отношение прежде всего к допетровской Руси. Нигилистический взгляд простирается и на Россию после Петра, на коммунистический СССР и посткоммунистическую Россию. При этом сам Петр отмечен как деятель крупного масштаба, постаравшийся повернуть свое государство на европейские рельсы, с которых Россия сошла, якобы подчиняясь своей имманентной дикой природе — зову из глубин варварского прошлого, колыбелью которого, по К. Марксу, является «кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов» [Маркс]. И уничижительное отношение к Московской Руси, и раздраженность имперской Россией слились к концу XIX в. Эта фобия, усиленная отторжением коммунистического СССР, окончательно оформилась к началу XXI в. в западном сознании в образ чуждой и опасной своей громадностью и иным культурным кодом ойкумены, якобы враждебной прогрессу и угрожающей Западу.

Нелишне бросить панорамный взгляд на оценки предшествующего периода русской истории, который трактуется весьма упрощенно и, за редким исключением [Arrignon]¹, вне принципа историзма. В XVII–XIX вв. отношение к древней русской истории окрашивали великая схизма, отторжение православия как отпавшей от цивилизации еретической стихии. В XXI в. допетровская Русь рассматривается через призму секулярного мировоззрения и философии линейного прогресса. Негативные нарративы о Московской Руси (с очевидной целью нигилистически оценить русскую историю в целом) уже переносятся на «большевизм», «советский империализм», а также на Россию XXI в. Клише, применяемые в отношении России на разных этапах ее взаимодействия с Европой–Западом, могут носить отпечаток конъюнктурных и ситуационных целей, отличаться по стилю, уровню дипломатического этикета, исчезающего из воспитания западных элит. Однако за отторжением России во всех ее исторических формах скрываются именно извечные западные фобии в отношении православия и России, рядившиеся в разные одежды, но единые для папского Рима и Вольтера, Астольфа де Кюстина и К. Маркса, для Ленина с Троцким, для неискоренимого российского безоговорочного западничества (варварство варягов и любовь к рабству, византийская схизма, «филофейство», «царизм», «русский — советский империализм»).

В отечественной историографии и публицистике уже с XIX в. соседствуют различные оценки как допетровской Московии, так и самой петровской эпохи. В XXI в. с его клиповым и упрощенным подходом к истории в образовательных программах и информационных «продуктах», заменивших для большинства книги и учебники, доминируют односторонние суждения, резко противопоставляющие чисто русские основы государственной жизни и цивилизации — и якобы совершенно не приемлемые, заимствованные Петром западноевропейские схемы.

XVIII столетие действительно открывает новую страницу российской истории, начиная и в ней эпоху Нового времени. Первая часть царствования Петра была связана с Московской Русью, противостоянием с сестрой — правительницей царевной Софьей, впечатлениями от стрелецких бунтов, от старого образа жизни, многочасового стояния на молитвах. Вторая — с бурным и сначала беспутным опытом знакомства с «европейскими развлечениями», Немецкой слободой, Великим посольством в Европу, но затем со взаимоотношениями уже «европейской» России и Европы. Эта двойственность ярко проявляется в деятельности Петра, ломавшего традиционный уклад жизни российского общества вполне средневековыми методами. Впрочем, возможны ли были европейские методы и приемы в Московии той эпохи? Это была модернизация по-русски,

---

1 К таким исключениям относятся работы Жан-Пьера Арриньона (1943–2021) — крупного французского русиста и византолога, чей последний обобщающий труд «Моя история России» [Arrignon] назван рецензентами «глобальным исследованием признанного специалиста». Ж.-П. Арриньон в убедительной респектабельной форме полемизировал с извращением образа России в западной прессе и научной литературе. Его подход отличался подлинным историзмом — глубиной проникновения в духовный мир и ментальность народа изучаемой эпохи, в исторический контекст, воспринимаемый через призму широкой общегуманитарной эрудиции историка.

свойственная революционерам и реформаторам во все последующие поворотные моменты русской истории вплоть до начала и конца XX столетия. Модернизация и смена уклада с достижениями и рывками вперед, ценой которых всегда был всплеск нищеты и смертности населения, появление и обогащение новой элиты и соединение ее династическими и культурными (как в XVIII–XIX вв.), идеологическими (как у пламенных большевиков), финансово-олигархическими (как в конце XX в.) узами и мировоззренческим кодом уже нерусского мира. Но вырождение исторического сознания новых элит России придет позже [См.: Нарочницкая Историческое сознание...].

В отличие от катастроф и крушений 1917 и 1991 гг., Петр не разрушал державу, а поднял ее на небывалый до этого уровень в мировом соотношении сил. Он любил Россию больше себя и был одержим ее славой, ее восшествием на пьедестал великих и суверенных держав. Пушкинское «Россия! встань и возвышайся!» — вот, пожалуй, наиболее емкое и лаконичное выражение этого петровского чувства. Установив европейские порядки, одев армию в немецкие мундиры, Петр обращается к войску перед Полтавской битвой со словами, немыслимыми в устах европейского монарха: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказывали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающего по вас. А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего» [Письма и бумаги Петра Великого, с. 226]¹. Здесь Петр куда ближе к К. Минину и его воззванию за сто лет до Петра: «Мужие, братие, вы видите и ощущаете, в какой великой беде все государство ныне находится...» Он призывает «помочь Московскому государству» (*не сюзерену* — Н.Н.) и «постоять за чистую и непорочную Христову веру»: «Не пожалеем животов наших, да не токмо животов... двory свои продадим, жен и детей заложим...» [Костомаров, с. 724].

Хотя в исторических представлениях в целом доминирует мнение о Петре как великом, хотя и сумасбродном, реформаторе, который рубил направо и налево, но европеизировал Россию, на менее приметном для широкой публики уровне ведутся споры об истоках петровской неистовой страсти к нововведениям, и не только. До сих пор появляются уничижительные публикации, где подвергаются сомнению не только внутренние последствия петровской «перестройки», но и его признаваемые всеми внешние предприятия (даже самые неудачные из которых в целом служили подготовкой к итоговым победам).

Так, доктор исторических наук, профессор Уральского государственного университета С.А. Нефедов опубликовал в журнале «Новый мир» опус о «загадке» Петра, ссылаясь не только на документы, но и на апокрифические работы разных веков. В нем

---

1 Считается, что эту речь сочинил Феофан Прокопович, которого фундаменталисты склонны винить в реформе церкви и протестантских нововведениях.

подвергаются сомнению смысл и польза вообще всех предприятий и внешнеполитических действий Петра, которые якобы были подсказаны и внушены вечно пьяному и необразованному молодому Петру такими же вечно пьяными и никчемными иноземцами вроде Лефорта. А дьяк Посольского приказа Андрей Виниус, сын голландского купца, ставший, по непонятно на чем основанному мнению автора, главным наставником и дирижером политики Петра, вообще руководствовался вселенскими интересами экономического порядка, а вовсе не пользой для России. Цитируя чьи-то записи, С.А. Нефедов пишет, что приглашенные военные «специалисты», обучавшие петровских солдат, якобы имели инструкции и желание учить так, чтоб русские не получили нужного умения, намекая, что иностранцы в принципе не могут искренне желать успеха делу, ради которого наняты [Нефедов].

Последнее вызывает большое сомнение — хотя бы потому, что приглашение на дипломатическую и иную службу иностранцев было распространено при дворах почти всех абсолютных монархов, и иностранцы служили за деньги весьма ревностно и добросовестно. Это типичное явление западного мира, связанное с феодальными особенностями, когда общенационального самосознания в современном понимании еще не было, а короли больше доверяли иностранцам, чем собственной крупной аристократии, сохранявшей олигархические стремления. «Если развитие русского самодержавия с этой точки зрения представляет своеобразие, — отмечал еще А.Л. Нарочницкий, знаток международных отношений того периода, — то разве только в том смысле, что история России в XVI–XVII вв. совершенно не знает подобных примеров, и расправа с московской феодальной боярской знатью была проведена силами русского дворянства и царской власти» [см.: Нарочницкий, с. 70]. К тому же, при Петре крупнейшие дипломаты России в основном принадлежали к ее старой и новоиспеченной верхушке: дьяк Е. Украинцев, Б. Куракин, Ф. Головин, Г. Головкин, И. Шереметев, А. Меншиков. Исключение составляли лишь П. Шафиров, Я. Брюс и А. Остерман. При Елизавете управление дипломатическими делами находилось в руках графа А. Бестужева-Рюмина, князя А. Черкасского и графа М. Воронцова. Блистательные успехи русской дипломатии при Екатерине II были осуществлены ею и ее помощниками из старого и нового дворянства — Н. Паниным, Г. Потемкиным, А. Безбородко, С. Воронцовым.

Западная историография трактует московский период русской истории чаще всего в русле теории линейного прогресса (хотя и с разной степенью пренебрежения) — как некий тупик цивилизации. Советская историография нередко была лишь немного благосклоннее. Большую роль в укреплении такого стереотипа сыграл популярный на Западе Н.А. Бердяев, практически единственный благодаря своему мягкому либерализму удостоившийся там «рецепции»: «Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу... лучше был киевский период и период татарского ига... и уж, конечно, был лучше и значительнее дуалистический раскольничий петербургский период» [Бердяев, с. 6].

В качестве примера крайне нигилистической оценки русского исторического пути стоит привести труды недавно ушедшего из жизни известного американского русиста

Р. Пайпса [Пайпс Россия при старом режиме; Он же. Россия при большевиках; Он же. Три «почему»...], который несколько десятилетий, почти до конца 90-х годов, преподавал в Гарвардском университете русскую историю будущим специалистам США по России. Пайпс награждает Древнюю Русь откровенно уничижительными оценками: «Если бы Русь была богата и культурна, как... Китай, Персия и другие, — то монголы бы ее оккупировали; поскольку это было не так, то они ее попросту обложили данью». Но Киев в конце X — начале XII в. по богатству и культуре превосходил западноевропейские города, уступая лишь итальянским. Дочь Ярослава Мудрого Анна, ставшая женой французского короля Генриха I, изумлялась антисанитарии, грубости нравов и быта французского двора, где она оказалась единственным человеком, умевшим читать и писать (Анна Ярославна читала по церковно-славянски, гречески и латыни, в то время как ее супруг король ставил вместо подписи крест). Пайпс же утверждает, что до Петра школ на Руси вообще не было, хотя общеизвестно, что среди берестяных грамот Новгородской Руси найдено немало ученических берестяных «тетрадей».

Отношение Р. Пайпса к Московской Руси не просто снисходительно, но насмешливо-презрительно, причем не только к реальному образу государственной жизни, но и к русскому религиозно-философскому толкованию своей государственности: «В городах и селах северо-восточной Руси завелись теперь значительные идеи, — буквально ерничает автор, — Князья, предки которых некогда ползали на четвереньках на потеху хану и его придворным, ныне вели свою родословную от императора Августа, корона же якобы была пожалована им Византией. Ходили разговоры о том, что Москва является «Третьим Римом» и что ей предопределено на веки вечные занять место разваленных и павших Рима Петра и Рима Константина.» [Пайпс Россия при старом режиме, с. 103]. Русские князья под пером Пайпса становятся воплощением «лизоблюда, татарского заплечных дел мастера и одновременно верховного холопа» (характеристика, данная Ивану Калите). Не щадя даже Александра Невского, для которого якобы «вершиной политической добродетели» стал коллаборационизм, Пайпс обобщает: русская княжеская власть — продукт «некоего процесса естественного отбора», «при котором выживали самые беспринципные и безжалостные». [Пайпс Россия при старом режиме, с. 80-85].

Центральной парадигмой для оценки становления русского самодержавия у Пайпса стало вотчинное «самовластье». По утверждению Пайпса, русские государи трактовали свою власть исключительно как «вотчину» — для него это *dominium* римского права: «абсолютная собственность, исключая другие виды собственности и других собственников и подразумевающая за своим обладателем право пользования, злоупотребления и уничтожения». [см. подробнее: Нарочницкая. Россия и русские...]. При этом игнорируются принцип историзма и русское религиозно-историческое сознание эпохи. Термин возник после двух веков монгольского ига и подразумевает совсем иной смысл — суверенное правление в противоположность данничеству, о чем убедительно напомнил в своем фундаментальном труде А.Ф. Смирнов. В современное общественное сознание, отметил он, внедрено представление о самодержавной империи как воплощении *дикого самовластия*: «Тысячелетняя история России — это парадигма самов-

ластия и рабства... Преданы полному забвению наблюдения и выводы историографов старой школы (Карамзин, Ключевский), что самодержавие — синоним единодержавия возникает как феномен единства русской земли, ее независимости, суверенности, когда государь всяя Руси перестает быть данником сопредельных властелинов и олицетворяет единство и целостность державы» [Смирнов, с. 37].

С точки зрения политологических клише, часто применяемых в XXI в. вместо принципа историзма и проникновения в конкретный исторический контекст, в философское и религиозное сознание эпохи, любая монархическая власть неотличима от языческой или восточной деспотии, где власть основана на силе и не освящена иными принципами [см.: Тихомиров]. Но в Средние века и в Московии, и в Западной Европе остро переживалось религиозное осмысление власти, и властители на смертном одре принимали монашество и истово молились о прощении грехов и спасении, о чем можно прочесть, например, у Ж. Ле Гоффа [Ле Гофф].

Представления Р. Пайпса о философских основах христианской государственности характеризует следующая цитата: «Со времени крещения Руси там несомненно полагали, что она стоит в некоей зависимости от Константинополя. Об этом не уставала напоминать греческая иерархия, любившая выдвигать теорию Юстиниана о «гармонии» или «симфонии», согласно которой церковь и императорская власть не могут существовать друг без друга». Далее Пайпс почему-то делает вывод, что «в силу этого православные на Руси должны сделаться подданными византийских императоров» [Пайпс Россия при старом режиме, с. 101].

Однако общепризнано, что западноевропейское государство находилось в тот период в гораздо большей подчиненности церкви — взять хотя бы знаменитое «хождение в Каноссу» Генриха IV. Реформация привела к смене папоцезаризма на своеобразный цезарепапизм: так, Генрих VIII провозгласил себя главой Англиканской церкви, хотя в апостольском христианстве главой Церкви является сам Спаситель Иисус Христос, и обезглавил Томаса Мора, который отказался это признать. Католическая церковь в 1935 г. признала Томаса Мора святым как мученика за веру. Именно западная юридическая наука является наследницей Юстиниана, «кодифицировавшего» римское право. На «новеллах» Юстиниана произошла рецепция римского права в Европе.

Р. Пайпс оставил в своем памфлете о «России при старом режиме» не так много суждений о Петре, что достаточно удивительно. «До Петра российские правители смотрели на свое царство как люди на охотничьей стадии цивилизации; с Петра они обратились в земледельцев. Инстинктивные позывы к захвату всякого попавшегося на глаза соблазнительного объекта постепенно, не без периодических срывов, уступили место привычке к пестованию ресурсов. Петр лишь весьма смутно представлял себе последствия своих шагов в этом направлении, сделанных им не столько из философской прозорливости, сколько по инстинкту прирожденного государственного деятеля» [Там же].

Все же Пайпс признает, опять же в достаточно нигилистическом в отношении всей предшествующей русской истории тоне: «Именно при Петре в России возникло понятие о государстве как о чем-то отличном от монарха и стоящем выше его; узкие соображения податного характера теперь уступают место более широкому национальному кругозору. Вскоре после своего вступления на царствование Петр начал говорить об «общем благе» и тому подобных материях. Он был первым российским монархом, высказавшим идею *bien public* и выразившим какой-то интерес к улучшению доли своих подданных. При Петре в России впервые ощутили взаимосвязь между общественным и личным благом; немалая часть внутривластной деятельности Петра была нацелена на то, чтобы россияне осознали эту связь между частным и общественным благосостоянием» [Пайпс Россия при старом режиме, с. 62–63]. Однако, приведенное выше воззвание К. Минина, в котором говорится исключительно о «великой беде» для «Московского государства», но не о власти, свидетельствует о наличии гражданского самосознания за сто лет до Петра.

Признавая серьезнейшие нововведения не только в государственное управление, но и в сам концепт государства, автор попутно выражает всяческий скепсис в отношении цивилизационного уровня пытающейся догнать Европу Руси, которая для него — обреченный на неудачу эпитет. Поскольку у Петра и его преемников на самом деле «не было необходимости относиться к россиянам доверительно... и внушать им сознание общей судьбы», «многочисленные режимы вотчинного и деспотического типа прекрасно существовали столетиями», «именно так управляют Россией со времен Петра до наших дней» [Там же, с. 63]. Забавно, что Р. Пайпс, с сарказмом описывая, как русские князья и государи после Петра, с их «вотчинным» ощущением права единолично распоряжаться любым государственным имуществом, раздавали огромные угодья, поместья, денежные вознаграждения своим приближенным или выдвигаемым деятелям, игнорирует (трудно представить, что не знает) совершенно такое же типическое явление эпохи в западноевропейской истории¹.

Не только в западной историографии, но нередко и в самой России со времен полемики западников и славянофилов века, отделявшие монгольское иго от петровских преобразований, представляются недостойными внимания, а московский и петровский периоды — непреемственными по отношению друг к другу. В этой связи историк-западник, философ права К.Д. Кавелин предостерегал от «привычки смотреть на себя чужими глазами, сквозь чужие очки», от «разрыва своего сознания на две половины», ибо «все европейские народы пережили в своей истории крутые повороты... но ни дореволюционная Франция, ни дореформационная Германия не отделены в глазах французов и немцев такой непроходимой бездной... какой отделена, по нашим понятиям, древняя Россия от новой» [Кавелин, с. 176]. Русь расширялась быстрыми темпа-

1 Не только историки, но все читавшие романы А. Дюма имеют представление о том, как короли по своей прихоти раздавали замки, земли и поместья с крестьянами, драгоценности, титулы и чины не только отличившимся на службе, но даже фавориткам, их мужьям и родственникам. Жизнь смерда и в просвещенной Европе значила не больше, чем на Руси, и «благородный» Атос без смущений нравственного порядка проиграл в карты своего верного слугу Гримо.

ми еще до Петра, а все его успешные предприятия и дела имели начала в предыдущие царствования. С. Соловьев, которого относят к поклонникам петровских деяний, также в итоге находит импульс к новой России в XVII в.

С другой стороны, еще Н.М. Карамзин выражал определенное сожаление о чрезмерности петровского необузданного и торопливого реформаторства. Карамзин сомневался в пользе перестройки системы государственного управления, осуждал ликвидацию патриаршества, подчинение церкви государству. Карамзин признавал, что «Петр велик без сомнения», даже собирался написать «Похвальное слово Петру», но полагал, что реформатор «еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей». Метафоричному и вполне добродушно-ироничному замечанию Карамзина — литератора и моралиста мы отчасти обязаны широкому распространению в среде фундаменталистов мнения о сломе Петром строя русской жизни, воспринятом аристократией и интеллигенцией, но отвергнутом народом: «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландией... страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия» [Карамзин, с. 36-37].

Полемика западников и славянофилов, касающаяся оценки допетровских основ управления и власти, обогащавшая обе стороны русского сознания, выродилась к концу XIX в. в политическую дискуссию и к XXI в. утратила главный свой нерв — подлинно великую религиозно-философскую дилемму смысла русского присутствия в мире. Хотя самобытная русская общественная мысль, как справедливо заметил Н.А. Бердяев, пробудилась на проблеме сугубо историософической. «Она глубоко задумалась над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба» [Бердяев, с. 31]. Стоящие в ряду «славянофилов» И. Киреевский и А. Хомяков совсем не славянофилы, их родина — вся христианская ойкумена, призвание — всемирное в смысле духовной ответственности, прежде всего православной, затем уже русской.

Сформировавшаяся в сознании и историографии дихотомия трактовки российской истории с отрицанием московского и прославлением петровского периодов совершенно не отражает их действительного соотношения. Это на документах блестяще доказано Н.В. Сеницыной — автором самого полного и академически выверенного труда о толковании подлинного послания Филофея и прочно утвердившейся через четыре века сентенции «Москва — III Рим», ставшей почти мифологемой, но *отсутствующей* у псковского старца. В послании Филофея вообще нет призыва к *земной* империи, но есть, наоборот, грозное предупреждение Великому князю, ставшему «единым во всей поднебесной христианом царем»: «убойся Бога, давшаго ти сия, не уповай на злато, и богатство, и славу: вся бо сия здѣ собрана и на земли здѣ остоят» [Послание старца Филофея].

«Идея «восточного царства», враждебная противоположность которого европейскому Западу была разрушена Петром, — порождение не укорененных в подлинной реальности «допетровской Руси» споров западников и славянофилов. Ее образ, точ-

нее, два ее образа были искусственно сконструированы в ходе споров XIX века, когда каждая из сторон абсолютизировала вычлененные из целого факты, лившие воду на ее мельницу» [Синицына, с. 27].

Приведенные экскурсы в историю и ее толкования демонстрируют, через какую призму и в XX–XXI вв. рассматривается и оценивается русская история в доминирующих исторических школах.

Общие стереотипы в отношении «византийской схизмы», русской и советской истории содержатся в трудах западных философов и историков, от А. де Кюстина, Ж. Мишле и классиков марксизма до самых современных авторов, добавивших к клише западного обществоведения поверхностную трактовку тоталитарного тождества нацизма и большевизма. Не удержались от такого сугубо конъюнктурного политического тезиса бывший директор французского Института международных отношений Т. де Монбриаль и крупный французский историк Ф. Фюре: «Нацистская Германия воплощает совершеннейший большевизм» [Фюре; Монбриаль; Максименко «Трисилы»...]. Но А. Тойнби однозначно признавал, что большевизм — чисто западное учение и явление и ничто в русской истории, философии и сознании не могло породить такую доктрину. Увлеченная коммунизмом Россия «рассталась со своей вековой традицией, — писал он, — впервые в истории переняв западное мировоззрение» [Тойнби, с. 106].

Тем не менее, миф о «филофействе» как программе «русского и советского империализма» и основе территориальной экспансии и имманентной агрессивности имперского сознания России повторяется как аксиома в многочисленных постсоветских работах [см., напр.: Гаджиев]. В этой связи уместно привести еще одно замечание Р. Пайпса, влияние которого на либеральную постсоветскую политологию и историографию ощутимо велико. Гарвардский профессор-русист попутно делает вывод, что все преобразования ничего не изменили в сущности России, но «взрастили образованную элиту, которая со временем... яростно ополчилась против всей системы мировоззрения, сосредоточенной на государственной службе, коей эта элита была обязана своим существованием» [Пайпс Россия при старом режиме, с. 63].

Здесь этим стереотипам можно было бы не уделять столько внимания, если бы идеологемы «филофейства» и «вотчинности» не относились к опорным концептам нигилистической интерпретации всей русской истории и в том числе ее имперской традиции, связанной с именем Петра.

После того, как СССР обрел роль сверхдержавы, одним из инструментов холодной войны стала «тоталитаристская» и «империалистическая» трактовка «филофейства», которое представляли как предтечу «советского экспансионизма» и возводили к пресловутому «византинизму». А по Р. Пайпсу, «За высокими лозунгами «национальных задач» скрывалось на самом деле вполне тривиальное стремление к захвату чужих богатств для удовлетворения ненасытного аппетита России на землю и попутного упрочения позиций монархии внутри страны. Такое положение не изменилось и по сей

день» [Пайпс Россия при старом режиме, с. 35]. Истоки «советского тоталитаризма» и даже большевистской диктатуры и ее революционного террора, прямо скопированного у творцов Французской революции, Запад склонен искать в византийской природе России, во влиянии Чингисхана и варягов, но только не у яростных и беспощадных проводников своих религиозных или революционных идей в бурной и куда более кровавой западноевропейской истории.

Авторитетный и глубокий мыслитель А. Тойнби прямо признает, что именно «приверженность чуждой цивилизации восточно-православного христианства» вплоть до большевизма была «варварской отметиной» России в глазах Запада» [Тойнби, с. 107]. Он приводит примеры, от польской интервенции начала XVII в. до Наполеона и гитлеровского нашествия, и делает вывод, что «хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами значительно чаще, чем наоборот». Призывающий к «постижению» истории, Тойнби полагает, что взаимное отрицание «тоталитаризма» и «демократии» есть в значительной мере перекодированное в клише новейшего времени более древнее взаимное отторжение [Тойнби, с. 111].

В XXI в. Запад расширяет свое влияние на многовековые территории исторического государства российского, а Польша подтверждает свою древнюю и, увы, извечную ревность к русской православной стихии. Не желая расстаться с исконными русскими землями, захваченными Казимиром Великим, поляки весьма обеспокоились принятым Иоанном III титулом «Государь всея Руси». Еще более испугал поляков, к этому времени захвативших часть исконно русских земель, отказ Василия III посольству Папы Льва X, предлагавшему из рук Папы в случае принятия католичества трон византийского императора, который в то время находился у турок, в борьбу с которыми Святой Престол и предполагал вовлечь Русь. «Князь хочет вотчины свои: земли русские», что означало земли империи Рюриковичей — такой ответ увез из Москвы посол Николай Шомберг в 1519 г.

Вопреки распространенному клише о разделах Польши Австрией, Пруссией и Россией в конце XVIII в. как исключительной причине польской неприязни к России, Польша с XII в. не скрывала своих вожделений в отношении православных земель Киевской Руси, наступала на них и призывала Бернарда Клервоского направить крестовый поход против еретиков — «русских варваров», которые гораздо опаснее греческих схизматиков (письмо епископа Краковского Матфея, 1146–1148 гг.). Патриарх послевоенной польской историографии академик А. Гейштор, участник варшавского восстания, пытаясь несколько оправдать острым отношением к схизме «необходимость» в глазах польского духовенства подобной «миссии Латинской Церкви», все же вынужден признать, что образ Руси в письме «особенно обострен» [Гейштор, с. 21]).

В течение уже почти тысячелетия Польша неизменно пытается вовлечь в свое ревнивое противостояние России сильных мира в каждой из сменяющихся эпох. Если в прежние века это были Папа, император Священной Римской империи, европейские

монархи, то в XXI в. — евроатлантические структуры, что демонстрировал 21 января 2022 г. Я. Качиньский на встрече с американской делегацией. На этом фоне современный накал цивилизационного идеологического и мировоззренческого неприятия России воспринимается яркой реминисценцией «крестового похода» на Восток, причем купно в военных, экономических и духовно-мировоззренческих аспектах. Вновь выдается за «цивилизующую миссию», подобно древней «миссии Латинской Церкви», проект распространения уже не католических ценностей, обладавших культуртрегерским обаянием, а постмодернистских догматов.

* * *

Ништадтский договор стал, бесспорно, выдающейся вехой в истории России, сделавшей необратимой уже развивающуюся геополитическую трансформацию Европы. Победа России не просто положила конец «долгобившей и вредительной» Северной войне, продолжавшейся более 20 лет (отнюдь не только на границе со Швецией, но глубоко на территории исконных русских земель, куда увлекли шведскую корону невиданные амбиции Карла XII). Ништадтский мир сделал на время бессильными дипломатические интриги европейских государств, в первую очередь Англии, пытающейся всегда, во всех прошлых и будущих победах России до XXI в., обесценить плоды российских военных успехов. Он закрепил право России на выход к северным морям, что означало для нее обретение совершенно иного по параметрам безопасности геополитического пространства, обеспечивавшего возможность уверенного внутреннего развития и позволявшего на равных говорить с ведущими европейскими державами.

Важнейшим итогом стало то, что Ништадтским мирным договором Петр Великий пресек для своего времени возможности одновременного давления на Русское царство с двух сторон. Как можно заметить, начиная с XIII в. в течение нескольких столетий Россия периодически испытывала одновременное сжатие Западом и Востоком — геополитические «клещи». Монгольское нашествие побудило папский Рим к экспансии на рубежи русского мира. Были и попытки вступить в союзные отношения с монголами (миссия Плано Карпини), и продвижение на Восток католических орденов, и торговые и «географические» предприятия Р. Чэнслера и Московитской компании с видами на установление английского протектората над «той частью Московии, что лежит между Архангельском и рекой Волгой» [Максименко. Альтернативы... с. 38, 42]. Наполеон и одновременно русско-турецкие и русско-персидские войны, давление Швеции и Османской Турции вновь вытесняло Россию на северо-восток Евразии от морей, но было остановлено Петром, а впоследствии Екатериной.

Уже к Новому времени Россия освободилась от трехвекового давления Востока и успешно отбила нашествия тевтонских орденов и польскую интервенцию в период русской смуты. Каждый из следующих трех веков демонстрировал некий повторяющийся цикл — временный упадок, сеющий надежды соперников на окончательное ослабление России, но за ним следовал новый геополитический успех эпохального значения. Это победа над Швецией в Северной войне, это через столетие — изгнание

Наполеона и решающая роль в крушении его империи, затем еще через век — восстановление после крымского унижения черноморских позиций. Так был предопределен из-за неприятия сильной, но чуждой православной России «мировой восточный вопрос»: в интерпретации разных по мировоззрению, но равно панорамно мыслящих титанов — геополитическое и духовно-культурное противостояние азиатского и европейского духа (С.М. Соловьев) или противостояние русского и западноевропейского культурных типов (Н.Я. Данилевский) [Соловьев, с. 25; Данилевский. Горе победителям; Он же. Россия и Европа].

Превращение Руси в Россию не только дало ей необходимые параметры геополитической безопасности, но и обеспечило безопасные условия православной цивилизации для продолжения ее исторической судьбы. Не имея той культуртрегерской агрессивности, которая была присуща католическому романо-германскому духу, она могла устоять, сохранить суверенитет духа, укрупнившись и достигнув определенных пространственных рубежей. И только с упрочением своего геополитического положения, прежде всего с получением выходов к морям, Россия обрела роль держателя равновесия в мировом балансе сил различных цивилизаций и представляющих их государств.

Борьба за выход к морю на протяжении столетий была важнейшим содержанием истории до окончательного формирования политико-географического облика мира, каким мы его знаем. Только державы, обладающие выходами в Мировой океан, играли и играют существенную роль в глобальном балансе сил, являются конституирующими элементами международных систем. Для России, страны-цивилизации, географическое расширение и закрепление на морях было закономерным условием выживания. Это интуитивно или осмысленно понимали русские государи еще от Александра Невского. Петр Великий в полной мере осознал колоссальный потенциал России и новые геополитические потребности государства, долгое время парализованного с запада и северо-запада Польшей и Швецией, с юга — Крымским ханством, вассалом Турецкой империи.

В соответствии с Ништадтским договором Россия, получив Лифляндию с Ригой, Эстляндию с Ревелем и Нарвой, часть Карелии с Кексгольмом, Ингерманландию (Ижорская земля), острова Эзель, Даго и другие земли от Выборга до границы с Курляндией, обрела выход к Балтийскому морю и прочно закрепляла за собой международно-правовой статус морской державы. Без победы в Северной войне вряд ли стало бы возможным вернуть себе и южную опору — Тавриду.

Начавшееся в конце XVII в. изменение соотношения сил главных государств Европы коренным образом сказывается уже к середине следующего века. Державы, бывшими самыми могущественными в начале XVIII в., отступают на второй план. В состоянии упадка приходят Польша, Швеция и Турция. Традиционно могущественные Франция и Испания потеснены Британией, чьи амбиции, питаемые пуританским духом превосходства, растут вместе с ее утверждением на морях и в торговле, ставшей залогом ее экономического развития.

В этом контексте именно с Ништадтского мира начинается неудержимое и впечатляющее масштабами развитие и расширение Руси-России в меридиональном и широтном направлениях: к Северному и Балтийскому морям, к Черному морю, от Днестра и Днепра до Тихого океана. Этот процесс сыграл капитальную роль в формировании современного облика как Европы, так и Азии. Он остановил и раздвинул культурно разные исторические потоки, стремившиеся с Запада и Востока стиснуть Московию и овладеть *геополитической осью* Евразии — линией от Балтики и Северного моря до Черноморско-Каспийского бассейна. Россия начала превращаться в огромную империю, простиравшуюся от Балтийского моря до Тихого океана, равной которой по размерам Европа не знала со времен Рима. Обезопасив свои северо-западные рубежи, Россия окончательно закрепила в Крыму, обеспечила тыл на Кавказе от набегов персов и турок и достигла Тихого океана, завершив освоение Сибири и Дальнего Востока. Трудно представить себе облик современной Европы, положение в Средиземно-Черноморском регионе, если латыши и эстонцы, не имевшие своей государственности и образования на родном языке (образование было на немецком), были бы окончательно ассимилированы тевтонами и шведами, а молдаване, грузины, армяне остались бы под властью Османской империи. Особое значение имело восстановление общей исторической судьбы православных *россов* — малороссов, белорусов и великороссов, сделавшее их неуязвимыми от поглощения внешними инокультурными и, с Юга, воинственно антихристианскими силами.

Убедительно суждение академика В.С. Мясникова, что «становление империй было императивом времени» [Мясников, с. 9]. Имперская идея России, уже в ранний период многонационального огромного государства, была ответом на исторический вызов, ибо ее окружали иные цивилизации с ярко выраженной имперской идеологией, нацеливавшей их на духовную и географическую экспансию. На Востоке это была китайская империя Цинь с ее трехтысячелетней стратагемной философией отношения к окружающему миру, на Юге — в Новое время — Оттоманская империя турок. К эпохе Петра уже ярко проявился имперский дух «латинской» Европы, который взывал к экспансии именно на восток Европы, на Россию.

Формирование и провозглашение Российской империи стало ответом на такие исторические явления, как «Священная Римская империя германской нации», Габсбургов, сковавших многих из западных славян; крестовые походы Ватикана против греческой ереси; многовековая экспансия Речи Посполитой, укрощенная российской мощью. «И у Европы были свои Иваны Калиты — Людовик XI, как и Иваны Грозные — Генрих VIII», но «собрание русских земель осложнялось необходимостью честно и грозно отстаивать их на двух фронтах, западном и восточном. Борьба на Востоке против напора монгол была крупной услугой западной цивилизации и культуре», — отмечал Е. Спекторский, — «Расширение до Тихого океана в Азии не уничтожило втягиваемые народы, как это делал Рах Германа, но подобно Рах Романа приобщило к благам цивилизации “всяк сущий в ней язык”» [Спекторский].

Все побуждает к выводу, что рост могущества России в течение XVIII в. стал явлением огромного значения, как для страны, так и для евразийского континента в целом.

Последовательно расширяя свои географические пределы в Евразии до тех масштабов, что сделали ее, как писал Х. Маккиндер, «осевым пространством мировой политики», Россия оказалась из-за амбиций латинской Европы в XX в. в центре вселенской исторической драмы европейской цивилизации — двух мировых войн. Они полностью изменили политическую карту, формы национальной организации и политические институты, коммуникации, культуру и социальные отношения внутри европейских стран, а также вывели на мировую арену массы людей других цивилизаций, фактически не участвовавшие прежде в мировом взаимодействии. В форме СССР Россия вновь опрокинула расчеты и стала победителем в величайшей и невиданной битве истории. В XXI столетии вокруг России вновь вращается мировая геополитика, ибо само существование России в ее географических масштабах и в ее суверенном цивилизационном культурном коде не позволяет никому стать господином мира.

Помимо геополитического значения Ништадтского договора, можно и нужно отметить еще одну, весьма необычную для своей эпохи деталь в самом формулировании и оформлении рубежа российско-шведских отношений. Своеобразным приложением к Ништадтскому договору стала одновременно подготовленная медаль, которая в символической форме раскрывала суть дальнейшей политики России по отношению к Швеции. Нематериальная функция медали «В память Ништадтского мира» состояла в передаче шведской стороне мысли, что Россия не намерена унижать проигравшую Швецию, наоборот — стремится предложить ей сотрудничество, доказательством чему и является выбитый лозунг: «СОЮЗОМЪ МИРА СВЯЗУЕМЫ». Девиз этот, удачно выразивший всего в трех словах суть российских намерений, как нельзя более точно отражает еще одну ипостась Ништадтского договора — его мирную составляющую, стремление обеспечить «вечный, истинный и нерушимый мир» между Россией и Швецией, как это и говорится в одной из статей договора.

С этой точки зрения Ништадтский мирный договор, несомненно, является еще и неким новым образцом дипломатического документа, который не только фиксирует военную победу одной из сторон. Текст составлен таким образом, чтобы подвести черту под периодом вражды, обеспечить моральную возможность добрососедства между недавними военными противниками — отношений мира, сотрудничества и уважения. Россия, руководствуясь стремлением закрепить новое территориальное размежевание и закрыть этот вопрос навсегда, внесла в договор пункт о выплате Швеции (победитель платит побежденному!) 2 млн ефимков, что для Швеции фактически означало сумму ее годового бюджета того времени. Эта выплата до сих пор является предметом горячих споров и обсуждений, и на сайте «Музея Оккупации Латвии» появилась статья, автор которой всячески пытается обесценить Ништадтский договор как юридическое основание нахождения Латвии и других прибалтийских земель в составе Российской империи. Он яростно возражает против тезиса о покупке этих территорий, раз прямых формулировок об этом нет, и называет смехотворно малой огромную по тем временам сумму в 2 млн ефимков [Спруде].

Международные договоры об изменении границ не оформляются как покупка, ибо нельзя купить проживающее на территории население. В то же время переход тер-

риторий из одного государства в другое — это типичное явление формирования географико-политического облика мира. Все границы современных государств менялись именно таким образом, и нередко в решениях присутствовала и финансовая составляющая. Из текста Ништадтского договора ясно, что денежная компенсация со стороны победителя побежденному, *принятая побежденным*, означала: вопрос о принадлежности территорий закрыт и не будет пересматриваться, не будет предметом войн, даже если они случатся. Ништадтский договор выбивает почву из-под ног у тех сил, которые хотели бы предъявить территориальные и финансовые претензии к нынешней Российской Федерации.

В честь Ништадтского мирного договора был возведен монумент в стиле барокко итальянским скульптором Пьетро Баратта, весьма популярным в Венеции и Дрездене. Петр пригласил его для работы и обучения русских скульпторов, почему того на родине даже прозвали «скульптор Московии». На монументе поверженный лев лапой придерживает картуш с надписью на латыни: “Magnus est qui dat et qui accipit sed maximus qui ambe haec dare potest» — «Велик и тот, кто дает, и тот, кто принимает. Но самый великий тот, кто и то и другое свершить может». В этом смысле Ништадтский мир является вкладом в историю и культуру мировой дипломатии. Несомненно, этот договор, действующий до сих пор и не утративший своей правовой силы, заслуживает самого пристального внимания и изучения.

Исследователи за два столетия вскрыли почти все доступные документы, с разных точек зрения и в разных идейных и политических парадигмах рассмотрели канву событий вокруг Ништадтского мира. Трудно предположить, что какие-то пока неизвестные мелкие детали могут принципиально изменить представление о деяниях времен Петра и их оценку. Однако у современного человека, тем более у исследователя есть возможность осмыслить этот период и с высоты накопленных знаний, и панорамно, в свете совокупности международных отношений и преемственных геополитических устремлений за три столетия. Именно сейчас можно в полной мере оценить значение этой грандиозной эпопеи для всей русской истории, для положения России в мире и в мировой истории, провести параллели и сравнения с современными явлениями и амбициями.

Литература

- Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. М. 1997.
- Гаджиев К.С. Политическая философия. М. 1998.
- Гейштор А. Образ Руси в средневековой Польше. Культурные связи России и Польши. XI–XX вв. М. 1998.
- Данилевский Н.Я. Горе победителям. М. 1998.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб. 1995.
- Дегоев В.В. «Северная война 1700-1721 гг. и русская дипломатия» / Предисловие академика А.В. Торкунова. М. 2021.

- Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М. 1989.
- Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М. 1991.
- Костомаров Н.М. Смутное время Московского государства. М. 1994.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. 1992.
- Максименко В. «Три силы». Размышления по книге Франсуа Фюре «Прошлое одной иллюзии // Pro et contra. М. 1999. № 3.
- Максименко В.И. Альтернативы Евразии. Россия и Азия, или Анти-Бжезинский. (очерк геополитики 2000 года) // Восток 2000. №2.
- Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Скепсис. Гл. 4. — URL: sceptis.net/library/id_883.html (дата обращения: 07.12.2021).
- Монбриаль Т. де. Память настоящего времени. М. 1997.
- Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М. 1996.
- Нарочницкая Н.А. «Вечный, истинный и нерушимый...» // Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021. М. 2021.
- Нарочницкая Н.А. Историческое сознание и идеология на поворотных этапах российской истории // «Перспективы. Электронный журнал». №4-2020/1-2021. С. 7-35. — URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/c70/4_01_2021_10_4.pdf (дата обращения: 07.12.2021).
- Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. 2005.
- Нарочницкий А.Л. Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 года. Стенограммы лекций. М. 1946.
- Нефедов С. Загадка Петра Великого // Новый мир. 2021. № 5. — URL: nm1925.ru/Archive/Journal6_2021_5/Content/Publication6_7749/Default.aspx#sdfootnote7sym (дата обращения: 07.12.2021).
- Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021. М. 2021.
- Ногаев И.В. Ништадтский мир и принципы российско-шведских отношений в XVIII веке // Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021. М. 2021.
- Пайнс Р. Россия при большевиках. М. 1997.
- Пайнс Р. Россия при старом режиме. М. 1993.
- Пайнс Р. Три «почему» русской революции. М. 1996.
- Письма и бумаги Петра Великого. М.; Л. 1950. Т. 9.
- Послание старца Филофея. Послание о злыхъ днехъ и часѣхъ // Электронные публикации Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) С-Пб. — URL: lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105#_edn42 (дата обращения: 07.12.2021).
- Санин Г.А. Петр I — дипломат. Великое посольство и Ништадтский мир // Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021. М. 2021.
- Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М. 1998.
- Смирнов А. Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. М. 1998.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1959–1966. Т.13.
- Спекторский Е.В. Принципы европейской политики России в XIX и XX веках. Люблина. 1936.
- Спруде В. Фейк: В XVIII веке Россия купила территорию стран Балтии у Швеции // История оккупации Латвии. — URL: okupacijasmuzejs.lv/ru/istorija-okkupacii-latvii/njezavisimaja

latvija/fjejk-v-xviii-vjekje-rossija-kupila-tjerritoriju-stran-baltii-u-shvjecii (дата обращения: 07.12.2021).

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М. 1993.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М. 1996.

Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М. 1998.

Шишов А. Рождение Российской империи. М. 2021.

Arrignon J.-P. Une Histoire de la Russie. P. 2020.